

учу»¹²⁰, – возмущается М.В. Нечкина), скука на лекциях, нелепые вопросы и непрофессионализм преподавателей, «уродливо-отвратительные учебники»¹²¹, житейские проблемы и конфликт поколений «Мама мучит. Я плакала на кухне»¹²². Находят свое место и любовные переживания: на страницах дневника появляются некие Вова¹²³, Миша¹²⁴, Трошин Г.Я.¹²⁵ Отзывчивость Нечкиной не знает границ: если арестуют ее знакомых – она многим выхлопочет освобождение¹²⁶.

Таким образом, несмотря на то, что деловые дневники, скорее всего, являлись инструментом контроля за выполнением поставленных планов, они дают сжатое изложение проделанной работы, наиболее интересующих М.В. тем, книг и людей. Они позволяют ухватить саму суть жизни молодого историка, увидеть ее глазами то, что важного произошло в течение дня, месяца, года.

Перед нами раскрывается история повседневности, отображающая главный предмет и объект истории – человека. Причем в данном случае этот человек – историк: он способен понять и обрисовать современную эпоху, среду своего обитания. Тогда, как и сейчас, Россия переживала далеко не лучшие свои времена, и молодым историкам наравне со всеми нужно было поднимать страну, восстанавливать утраченные знания, искать ответы на возникающие исторические вопросы, учить новое поколение. И тогда, и сейчас преодолеть жизненные проблемы человеку помогают те качества, которыми в полной мере обладала М.В. Нечкина: живость, энергия, энтузиазм, трудолюбие, целеустремленность, многогранность.

В.Д. Камынин

Екатеринбург

ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ТРУДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В 20-30-Е ГГ. XX СТОЛЕТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование современного этапа развития исторической науки показывает, что на характеристику многих проблем, которые в ней разрабатываются в настоящее время, серьезное влияние оказывает зарубежная историография. На Западе в рамках изучения социальной истории накоплен значительный опыт изучения проблемы мотивации и стимулирования труда рабочих. На рубеже XX – XXI вв. эта литература стала доступной российскому читателю. Некоторые из западных авторов получали возможность опубликовать результаты своих исследований в российских изданиях.¹²⁷

Анализ западной литературы по проблеме мотивации труда содержится в статье известного российского специалиста по рабочей истории А.К. Соколова¹²⁸, который отмечает, что зарубежные исследователи основное внимание уделяют исследованию мотивации труда при капитализме, выделяя среди них материальное вознаграждение, морально-нравственные побуждения и обязательства, принуждение и насилие. Однако в ряде работ рассматривается вопрос о том, какие стимулы к труду существовали к началу индустриализации России и в каких сочетаниях и насколько эффективно они выступали в конкретно-историческом контексте, какими факторами были обусловлены их изменения?

¹²⁰ Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории №12 – 2004. С. 13-14.

¹²¹ Там же. С. 126.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 121-123.

¹²⁴ Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории №2 – 2005. С. 143-144.

¹²⁵ Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории №1 – 2005. С. 114-115.

¹²⁶ Там же. С. 113, 115.

¹²⁷ См.: Ван Дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. Лукассен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Там же; и др.

¹²⁸ Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отеч. история. 2003. № 5

Действительно, изучая советскую эпоху, Я. Лукассен не находит в ней ничего такого, чтобы принципиально отличало советскую страну от западных стран по стимулам к труду, которые он разделил на две категории: работа для себя, и для других, т.е. на государство. По мнению историка, каждая страна в тот или иной период применяет сочетание различных стимулов к труду. В условиях войн и экстремальных ситуаций усиливается роль принуждения и моральных обязательств. В нормальных условиях должна возрастать роль вознаграждения за труд, прежде всего, в форме денежных выплат – заработной платы, а также разного рода привилегий, обеспечивающих лояльность работника работодателю. Самым распространенным в мире стимулом к труду, по мнению автора, является его повременная, сдельная и прогрессивно-сдельная денежная оплата. Каждая из этих форм предполагает ту или иную степень свободы и контроля за трудовым процессом¹²⁹.

А.К. Соколов считает, что в отечественной историографии проблема мотивации труда стали изучаться еще советскими исследователями. Однако, по мнению автора, это изучение в советской историографии носило односторонний характер, т.к. советские историки идеализировали трудовые отношения при социализме, замалчивали многие негативные стороны, связанные с условиями труда, ростом его производительности, безопасности рабочих и т.д.¹³⁰

По нашему мнению, в советской историографии существовали различные представления о методах стимулирования труда. Трактовать советскую историографию этой проблемы однозначно достаточно сложно.

Советские историки пытались проанализировать природу экономического интереса. По их мнению, человека побуждает к труду необходимость удовлетворить личные материальные и духовные потребности, а в социалистическом обществе – еще и общественные потребности, поскольку труд носит общественный характер.

Действительно, советские историки много писали о социалистическом соревновании, однако они рассматривали его в рамках развития не только моральных, но и материальных стимулов к труду. Н.Е. Губанов писал: «Исходным и непосредственным импульсом соревнования служит экономический интерес производителя, который побуждает его к определенной трудовой деятельности»; экономические интересы «в совокупности составляют непосредственную экономическую основу соревнования», придают ему объективный характер¹³¹. По мнению автора, «соревнование производителей по труду формируется под одновременным воздействием материальных и нравственных побудителей»¹³².

В то же время в работах некоторых советских историков признавалось, что в советскую эпоху существовали и принудительные методы стимулирования труда. Мы не согласны с мнением пермского историка А.Б. Суслова, который утверждает, что «советские историки не могли изучать проблемы, связанные со спецконтингентом, по идеологическим причинам. Исключение составляли засекреченные работы для служебного пользования»¹³³. По нашему мнению, такими утверждениями в современной историографии ведется мифотворчество, создаются своеобразные новые «белые пятна».

На самом деле вопрос об использовании спецконтингента, то есть принудительного труда поднимался в работах целого ряда уральских авторов, которые фиксировали наличие в составе советских рабочих выходцев из нетрудовых элементов общества.

В.В. Адамов отмечал: «Как известно, сюда стихийно стекались и организованно перемещались остатки эксплуататорских классов, разбитых в центре. Значительная часть

¹²⁹ См.: Лукассен Я. Мотивация труда в исторической перспективе. С. 194-205

¹³⁰ Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России. С. 132

¹³¹ Губанов Н.Е. Социалистическое соревнование: сущность, тенденции, стимулы. М., 1977. С. 7, 18

¹³² Там же. С. 6-7

¹³³ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 11

этих элементов постепенно вливалась в состав рабочих. К середине 30-х гг. из них образовалась в рабочей среде прослойка, размеры которой определялись профсоюзной статистикой для разных производств в 3,7 – 6,7 %»¹³⁴.

Н.М. Щербакова подсчитала, что к концу первой пятилетки количество переселенцев в Уральской области превысило 550 тыс. чел., из которых 155 618 чел. влияли в состав рабочего класса и использовались на строительстве Магнитки, Синарского и других уральских заводов¹³⁵. А.В. Бакунин подчеркивал, что «начиная с середины первой пятилетки, а также в годы второй пятилетки рабочий класс Урала пополнился бывшими капиталистическими элементами. Наибольшее число их было в горнорудной, угледобывающей, лесной отраслях промышленности и в строительстве». По подсчетам А.В. Бакунина, в 1935 г. среди рабочих Свердловской области выходцев из бывших эксплуататорских классов было около 17%, в том числе на строительстве 13, 7%, в машиностроении и металлообработке – 3, 2%. Автор писал: «При подсчете удельного веса в состав рабочих – выходцев из капиталистических классов, вошли также лица, осужденные Советской властью за различные преступления. Большинство из них являлось выходцами из бывших эксплуататорских классов»¹³⁶.

Естественно, что в соответствии с официальной концепцией советские историки негативно оценивали наличие подобного контингента в составе рабочего класса Урала. По словам В.Н. Зуйкова, «выходцы из непролетарских слоев явились носителями мелкобуржуазных взглядов и подпадали под влияние свергнутых эксплуататорских классов, различных антипартийных группировок»¹³⁷. А.В. Бакунин писал, что эти элементы «несли с собой буржуазное влияние на рабочий класс, а нередко и затаенную злобу к успехам социалистического строительства»¹³⁸. Необходимость следования официальной концепции заставило В.В. Адамова сделать вывод о том, что приведенные им данные о количестве спецпереселенцев в составе рабочего класса Урала опровергают мнение западной историографии о значительных масштабах использования принудительного труда в народном хозяйстве СССР¹³⁹.

В современной российской историографии работы по проблеме стимулирования труда на материале 1920 – 1930-х гг. публикуются в серийном издании «Экономическое обозрение»¹⁴⁰, на страницах ежегодников «Социальная история» и «Экономическая история»¹⁴¹, в различных сборниках по истории рабочего класса России¹⁴².

¹³⁴ Адамов В.В. К истории формирования социалистического рабочего класса на Урале // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Сб. 4. С. 9

¹³⁵ См.: Щербакова Н.М. Вопросы численности и состава рабочего класса Урала в исторической литературе. // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917-1937). Свердловск, 1980. С. 105

¹³⁶ См.: Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933-1937). Свердловск, 1968. С. 147

¹³⁷ Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926-1932 гг. М., 1971. С. 68

¹³⁸ Бакунин А.В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933 – 1937 гг.). С. 63, 68

¹³⁹ См.: Адамов В.В. К истории формирования социалистического рабочего класса на Урале. С. 91

¹⁴⁰ См.: Бородин Л.И. Об эволюции мотивации труда промышленных рабочих России в первой четверти XX в. // Экономическая история: Обозрение. М., 1999. Вып. 3; Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917-середина 1920-х гг.) // Там же. 2000. Вып. 4; Бородин Л.И., Сафонова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: Формирование системы мотивации труда в промышленности // Там же. 2000. № 5; Кырянов Ю.И. Мотивация фабрично-заводского труда в России в зеркале профсоюзной прессы 20-х гг. XX в. // Там же. 2001. Вып. 7; Бородин Л.И., Миясов А.В. «Не трудящийся, да не ест»: Материалы по проблемам мотивации труда промышленных рабочих Советской России в 1920-х гг. (по материалам местной печати) // Там же. 2002. Вып. 8; и др.

¹⁴¹ См.: Соколов А.К. Период принуждения к труду в советской промышленности и его кризис. Конец 1930-х – середина 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004

¹⁴² См.: Кырянов Ю.И. Модернизация производства и мотивация труда в России в 20-е гг. XX в. // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001; Мухин М.Ю. «У советских собственная гордость...»: Специфические методы трудовой стимуляции в СССР в 30-х гг. // Ежегодник

Проблема мотивации труда рассматривается российскими учеными на примере отдельных регионов России¹⁴³, отраслей промышленности¹⁴⁴ и конкретных предприятий страны¹⁴⁵. В рамках совместного российско-голландского проекта «Мотивация труда в России. 1861 – 2000 гг.: вознаграждение, побуждение и принуждение» в России вышли крупные монографические исследования на эту тему, выполненные С.В. Журавлевым и М.Ю. Мухиным на примере коллектива столичного Электростанции и А.М. Маркевичем и А.К. Соколовым на примере коллектива московского завода «Серп и молот»¹⁴⁶.

С.В. Журавлев и М.Ю. Мухин связывают появление данной исследовательской проблемы с не затихающими дискуссиями о природе социализма, о неизбежности его краха и принципиальных возможностях обновления на разных ступенях развития; о том, был ли советский период истории в целом тупиковым отклонением от «столбовой дороги цивилизации», а его экономика аномальной по своей сути. По их мнению, «в связи с многочисленными работами последних лет о ГУЛАГе и массовых репрессиях, не менее важным представляется ответ на вопрос: держалась ли советская система, включая промышленное производство, исключительно либо преимущественно на принуждении, а если нет, то в какой мере и когда режим прибегал к использованию традиционных методов и механизмов?»¹⁴⁷.

Российские исследователи доказали, что многие тезисы Я. Лукасса «работают» в применении и к советской истории. А.К. Соколов полагает, что в советской истории на мотивацию к труду влияли многие факторы: национальные особенности труда, сформировавшиеся под влиянием природных, демографических факторов, воздействием доминирующей крестьянско-общинной психологии. Он пишет: «На каждом этапе истории страны нужно было учитывать сложные перипетии событий, особенности трудовой политики государства, трудности экономических преобразований, выяснять, как происходило столкновение традиционной трудовой морали и трудовой этики с изменениями, продиктованными спецификой исторических обстоятельств, идеологией, объективными и субъективными влияниями».

Историк считает, что «если до революции 1917 г. мотивация труда в России мало чем отличалась от трудовых стимулов, характерных для стран, переживающих раннюю стадию индустриализации, то советский период можно определить как цепь постоянных экспериментов в области трудовых отношений. Каждый из отдельных этапов советской истории представлял собой любопытное сочетание методов материального стимулирования, апелляции к сознанию и долгу, морального поощрения, принуждения и насилия. Ситуация в стране выдвигала подчас на первый план определенную группу стимулов. Например, в разгар «военного коммунизма» очень заметной оказалась роль принуждения к труду в соответствии с принципом «не работает да не ест». Нэп

историко-антропологических исследований. 2003. М., 2003; Гарскова И.М. Эволюция трудовых отношений в российской промышленности (1880-е – 1920-е гг.): разработка комплексного тематического электронного ресурса // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004; и др.

¹⁴³ См.: Миярсов А.В. Мотивация труда промышленных рабочих в России в 1920-е гг.: Некоторые аспекты проблемы (на материалах Пензенской губернии) // Экономическая история. 2001. Вып. 7; Ульянова С.Б. Массовые хозяйственно-политические кампании в системе стимулирования труда в 1920-е гг. (Кампания поднятия производительности труда в ленинградской промышленности в 1924-25 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001-2002; и др.

¹⁴⁴ См.: Мухин М.Ю. Кнут без пряника: Трудовые стимулы в советской оборонной промышленности в 1930-е гг. // Экономическая история. Вып. 3; Сафонова Е.И. Стимулирование труда московских текстильщиков в 1920-е гг.: От натурвыдач к дифференциации зарплат // Там же

¹⁴⁵ См.: Бычков С.Ю. Мотивация труда на Тверском вагоностроительном заводе (1915-1928 гг.) // Экономическая история. Вып. 8; Мухин М.Ю. Особенности стимулирования трудовой активности на рубеже 1920-1930-х гг. (на примере Электростанции) // Социальная история. Ежегодник. 2001-2002

¹⁴⁶ См.: Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928-1938 гг. М., 2004; Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг. М., 2005

¹⁴⁷ См.: Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма». С. 6

характеризовался поисками оптимального сочетания принципов материального стимулирования и новой организации труда. С 1929 г. упор делался в основном на трудовой энтузиазм. Неудача ударничества и стахановского движения (выраженная, главным образом, в общих показателях развития экономики, а не в индивидуальных трудовых рекордах), значительное число трудностей, связанных с индустриализацией и коллективизацией, вызвали усиленное применение методов принуждения, углубленное начало Второй мировой войны»¹⁴⁸.

С.В. Журавлев и М.Ю. Мухин указывают на принципиальную важность изучения периода с конца 1920-х до середины 1930-х гг., в рамках которого «путем экспериментов, проб и ошибок выплывали принципиальные формы и механизмы трудовой мотивации, сохранившиеся в принципиальной основе вплоть до конца советской истории»¹⁴⁹.

Можно констатировать, что в современной уральской историографии проблема мотивации труда на советских предприятиях рассматривается по сравнению с общероссийской пока недостаточно. По нашим наблюдениям, к ней обращаются лишь С.П. Постников и М.А. Фельдман.

Авторы рассматривают эволюцию стимулов к труду, которые существовали у рабочих Урала на протяжении длительного периода времени. По их мнению, «как в дореволюционное, так и в советское время властные структуры использовали различные способы стимуляции к труду на производстве»¹⁵⁰. Авторы полагают, что в дореволюционный период у уральских рабочих существовали разносторонние и весомые стимулы к труду¹⁵¹. Эти стимулы были нарушены в сложный период войн и революций.

А.К. Соколов считает, что восстановление промышленности означало восстановление свойственных дореволюционной России форм и способов труда, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями¹⁵². По мнению С.П. Постникова и М.А. Фельдмана, в 1920-е гг. у рабочих Урала наблюдалась явная недостаточность мотивации к труду. Поэтому авторы полагают, что «оценка стимулов у рабочих на производстве должна учитывать не только совокупность материальных, моральных и принудительных рычагов. Присутствовал и политический фактор: выдвижение «передовых», по сути лояльных, рабочих в руководящий слой общества»¹⁵³.

Что касается стимулов к труду, которые существовали у уральских рабочих в 1930-е гг., то С.П. Постников и М.А. Фельдман по этому вопросу пишут так: «Если в период до 1914 г. шел процесс уменьшения удельного веса принудительных мер к труду, то с начала 30-х гг. замечен обратный процесс. Импульсивность и непоследовательность подменяли научный анализ тарифных реформ, форм «социалистического» соревнования. Неудачный для власти исход движения ударников и стахановцев можно рассматривать и с иной стороны: как проявление собственного понимания проблем, собственной, «не по Марксу», социальной психологии рабочих. Закономерным следствием стал разрыв системы самых мощных, невиданных в мире, моральных стимулов к труду и системы заработной платы рабочих»¹⁵⁴.

По нашему мнению, проблема стимулирования труда в промышленности Урала требует основательной проработки на основе нетрадиционных источников и того опыта изучения данной проблемы, который накоплен в зарубежной и современной российской историографии.

¹⁴⁸ Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России. С. 134

¹⁴⁹ См.: Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма». С. 7

¹⁵⁰ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). С. 188

¹⁵¹ См.: Там же. С. 159

¹⁵² См.: Соколов А.К. Проблемы трудовых отношений на советских предприятиях в годы нэпа // Отеч. история. 2004. № 1. С. 179

¹⁵³ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.). С. 167

¹⁵⁴ Там же. С. 188